

ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ НЕЛАДНО?

ЗАМЕТКИ
ОБ АНГЛИЙСКОМ
ТЕАТРЕ

НЕСКОЛЬКО лет тому назад, когда на английской сцене стали появляться пьесы «разгневанных молодых людей», исполненные социального протеста, у многих вдумчивых зрителей, интересующихся развитием театра, возник вопрос: не есть ли это долгожданное возрождение серьезной английской драмы?

Вот уже более двадцати лет английский театр ставит в основном пьесы из буржуазной жизни, расчитанные на самый заурядный интеллект, американские пьесы, вовсе на интеллект не расчитанные, и так называемую «современную классику» — слабые стихотворные драмы, которые в лучшем случае носят умозрительно-интеллектуальный характер, но больше ничем не блещут.

Такое суждение об английском театре не следует считать опометчивым, пристрастным или сугубо личным.

Лондонская «Таймс» недавно опубликовала статью, содержащую очень едкий анализ современной английской драматургии.

«Это высыхание мозга?» — вопрошает заголовок статьи. А подзаголовок гласит: «Интеллектуальное отставание современной английской драмы».

Свои суждения по этому поводу «Таймс» начинает так:

«Стремясь привлечь побольше зрителей и прибегая ради этого, по существу, к тем же самым приемам, что и кино, телевидение и радио, с которыми ему приходится конкурировать, английский драматический театр попал в тяжелое положение — суди по ряду признаков, у него «высыхает мозг»; в театральном искусстве отмирает та сфера, где неизменно должна биться живая мысль, сфера интеллекта, где с такой отвагой ведут бон Шоу и Пираделло, Сартр и Брехт, Бетти, Монтерлан и Ануй».

Проанализировав современные драмы «протеста», принадлежащие перу «разгневанных молодых людей» и не слишком значительные по своему интеллектуальному уровню, «Таймс» в заключение пишет с горечью:

«...Разрыв между интеллектуальным уровнем нашего драматического искусства, с одной стороны, и лучших умов современности — с другой, увеличивается все больше и больше... Если современная английская драма по-прежнему будет отделена такой пропастью от интеллектуальных вершин, достигнутых ею в прошлом, и от интеллектуальной жизни общества наших дней, то ей, безусловно, предстоит затяжное оторочество — и этого не прикрыть никакими приемами, старательно маскируемыми «под Брехта».

В то же время «Таймс» признает, что в английском театре происходят серьезные перемены.

Встает вопрос: к чему же они все-таки приведут?

Некоторые говорят, — и притом весьма неодобрительно, — что театр превратится в сплошную магнитофонную запись и в нем только и останется, что волнующе-острая натуралистичность ситуаций и сугубо житейский диалог, действенность которого усиливается постановочными эффектами.

Такая тенденция действительно налицо. Именно так можно расценивать две пьесы «разгневанных» авторов, имевшие наибольший успех, — «Оглянись во гневе» Джона Осборна и «Вкус меда» Шелы Дилэни.

Но разве этим все исчерпывается?

«Таймс», радуя за интеллектуальную

Джеймс Олдридж

драму, пишет, что до сих пор «разгневанные» молодые люди не шли дальше ричардсоновского анализа чувств».

Фраза эта вызовет у «разгневанных» молодых авторов сердитое фырканье, и все же многим зрителям она будет понятна — пьесы «разгневанных», как бы правдивы они ни были, действительно описывают по преимуществу трагедию чувств современной молодежи. Единственное, что в них пока есть настоящего, — это страстные жалобы молодых и их страстные чувства. Притом чувства эти выражены так естественно, что язык пьес совершенно живой, персонажи тоже совершенно живые, а ситуации — совершенно жизненные. И все же в целом, как произведения драматического искусства, такие пьесы недолговечны.

По-видимому, где-то здесь и надо искать причину отмирания интеллектуального начала в современной драме, на что так сетует «Таймс».

«Протест» — единственное, что объединяет «разгневанных» молодых людей, — сам по себе не может служить достаточной интеллектуальной основой для высочайших устремлений человеческого духа, хотя и может оказаться весьма действенным, когда нужно разоблачить конкретное зло.

В своих писаниях «разгневанные» молодые люди — совсем как школьники, которых в наказание заставляли сто раз подряд написать одну и ту же фразу, — без конца повторяют: «Неладно что-то в Датском королевстве!»

Но у всякого мыслящего человека это должно вызвать естественный вопрос: «А что же все-таки неладно?»

Вот в этом и заключается проблема.

До сих пор «протесты» молодых потому производили сильное впечатление, что в них слышится страстная жалоба, крик боли. Но дальше этого они не пошли, и сейчас уже можно предвидеть, что творчество «разгневанных» постепенно захиреет.

Именно по этой причине критики высмеяли новую пьесу, вернее, музыкально-сатирическое обозрение Джона Осборна «Мир Поля Слики». Дело в том, что многочисленные протесты Осборна против широко распространенных газет, против широко распространенных лицезерия, в сущности, совершенно бесцельны и бесплодны.

«Таймс» пишет: «Пьеса эта («Мир Поля Слики»), должно быть, потому так невероятно скучна, что и Джон Осборн никак не может уяснить себе, чего же он, собственно, хочет». А вот что пишет театральный критик газеты «Обсервер»: «В своей пьесе Осборн поносит политику консерваторов, деятелей консервативной партии, лейбористскую партию, театры Вест-Энда и театральные критиков, религию, телевидение, модных джазовых певцов, адюльтер, женщин, гомосексуализм и, наконец, самый «секс»...»

Другими словами, эти бесчисленные протесты не превратились в настоящую, умную сатиру на общество и его устои. Так пишут об Осборне «Таймс» и театральные критики.

Но они не знают всей правды до конца, а если бы узнали, то, вероятно, перепугались бы до смерти.

Стало быть, в одной компании с «Таймс» можно оставаться до определенного предела.

«Таймс» может без всякого опасения советовать на то, что сейчас нет умной драмы, вздыхать о новом Шоу или Сартре, Брехте и Бетти.

Но суть-то в том, что если бы в английской драматургии вдруг появился новый Шоу, то та же «Таймс» и те же театральные критики не пожелали бы его признать — он был бы для них чересчур опасен.

В викторианскую эпоху, когда Шоу был в театре большой силой, английский капитализм находился в зените своего могущества. Он мог допускать различного рода интеллектуальные эскапады — скажем, позволить драматургам прохаживаться на его счет — и даже находил в этом удовольствие. Шоу пошел в атаку на викторианское общество и нанес ему немалый ущерб, но даже к нему правящий класс проявлял терпимость, усматривая в этом своего рода умственный спорт. И в самом деле, представители правящего класса могли спокойно забавляться правдой, которую преподносил им Шоу, ибо они сознавали, что она бессильна и никак не грозит ни их личному существованию, ни устоям их общества.

Но сегодня дело обстоит иначе. Сейчас капитализм шатается под ударами, которые наносят ему страны Азии и Африки; он ведет борьбу за существование в самом полном смысле этого слова, и поэтому драматургу, который попытается дать новый и глубокий анализ жизни капиталистического общества, — пусть даже в форме забав-

ной шутки, как это делал Шоу, — придется преодолевать огромные трудности, чтобы его пьеса могла удержаться на официальной английской сцене.

На этот раз такой анализ был бы слишком глубоким и болезненным — он слишком сильно ударил бы общество по самым его больным местам.

Вот почему сегодня на английской сцене не увидишь умных пьес; вот почему «лучшие умы» нашего времени не пишут для английского зрителя драм, в которых анализировалась бы жизнь нашего общества.

По правде говоря, эти так называемые «лучшие умы» сами боятся дать настоящий анализ нашей современной драмы и других жанров литературы, и все они, за исключением нескольких благородных смельчаков, надежно приспосаблились к существующим условиям и стараются их защитить.

Таким образом, на нашу долю остается только творчество «разгневанных» молодых людей и их «протесты».

А поскольку эти «разгневанные» не отличаются ни интеллектом, ни пониманием исторических и политических условий, которое необходимо для того, чтобы от протеста перейти к глубокому анализу и воплотить его в подлинной сатире, тот процесс «отмирания» интеллектуального начала в английской драме, на который сетует «Таймс», не так-то легко будет остановить.

Отмечая, что современная английская пьеса ничего не говорит ни уму, ни сердцу зрителя, «Таймс» подчеркивает, что это происходит отнюдь не по вине публики, и в доказательство ссылается на огромный успех мольтеровских пьес в блестящей обработке Майлса Мэллсона, идущих в театре «Олд Вик». «Действие неоднократно прерывается аплодисментами, — пишет газета. — Реплики метки и удачны, как точный удар в теннисе...»

Но все-таки известная доля вины падает и на публику.

Дело в том, что в английском театре аудитория не рабочая, а по преимуществу буржуазная и мелкобуржуазная; время от времени «сливки общества» похвалят какую-нибудь пьесу, предоставляя широкой публике подхватывать их мнение.

Однако после войны буржуазному зрителю приелись столь обычные для нашей сцены «комедии гостиных» и «трагедии окраин». В поисках интересных мыслей и острого сюжета он все чаще ходит на американские пьесы.

В театрах лондонского Вест-Энда уже много лет идут пьесы Тенесси Уильямса и Артура Миллера, изображающие по преимуществу жизнь простого люда в Америке, его простые, насущные нужды, и это оказало влияние не только на английского зрителя, но и на английских драматургов.

Многие из этих американских пьес — в особенности пьесы Миллера — очень хороши, несмотря на свою натуралистичность. Однако попытка применить такой метод для изображения английской действительности привела к печальному несоответствию как в реакции буржуазного зрителя, так и в работе буржуазного драматурга.

Когда я собрался посмотреть пьесу Шелы Дилэни «Вкус меда», идущую с большим успехом, мне говорили, что это «драма из жизни рабочих».

Публика на сей раз собралась самая обычная — состоятельные люди, решившие посмотреть пьесу из жизни «простонародья». Шела Дилэни очень правдиво показала трогательную историю нежных и поэтичных отношений между юношей и девушкой, но публика, видимо, ждала, главным образом, грубых «простонародных» шуток, которые, к сожалению, попадают в пьесу. Вместо трагедии получился балаган.

В этом нельзя винить исключительно драматурга. Конечно, «Вкус меда» — вовсе не «драма из жизни рабочих», но в этом особой беды нет. Нельзя ее сравнивать и с горьковской пьесой, потому что при всей необычности показанных в ней чувств она лишена настоящей глубины. Однако в пьесе Дилэни есть какая-то поэтичность, подлинное понимание трагедии обездоленной молодости, и хотя режиссер во многом огрубил замысел автора, пьеса интересна тем, что открывает нам доступ в мир чувств молодого человека наших дней.

Но и эта пьеса сводится к одной только регистрации чувств в необработанной магнитофонной записи, причем публике кажется, что герои проявляют их специально для того, чтобы ее пошмешить.

Положение в театре определяется и многими другими обстоятельствами, и было бы большой ошибкой утверждать, что в них ничего не разобрался.

В наших театрах есть блестящие таланты, которые борются за новую, реалистическую драму; есть у нас и несколько замечательных, неподкупно-правдивых критиков, которые не удовлетворяются привычным и испытанным трафаретом — так называемой «драмой из жизни окраин», а борются за то, чтобы наши пьесы отражали действительную жизнь во всем ее уродстве и во всей ее красоте.

И хотя газета «Таймс» вполне права, когда она сокрушается, что у нас нет умной, серьезной драмы, или упрекает наших «разгневанных молодых» авторов за то, что они тончуют на месте, она упускает из виду важное обстоятельство.

Ведь благодаря таким драматургам, как Джон Осборн, Шела Дилэни, Брендан Бихэн и Шаффер, на английской сцене опять появились пьесы, которые стоит смотреть; и если их называют «Ричардсонами послевоенного поколения», то не следует забывать, что самого Ричардсона превзошел его же современник — Генри Филдинг, которому глубокий анализ человеческих чувств, даный Ричардсоном, помог создать великую реалистическую традицию в английской литературе, радующую нас и по сей день.

Перед усталым взором нашего издерганного, угасающего общества еще предстанет новый Филдинг или новый Шоу; пока же молодые писатели подготавливают для него почву, и за это мы — а равно и «Таймс» — должны быть им благодарны.

ЛОНДОН